22

УЧИТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 21

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1909

Проверено 1953 г.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объясчительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1) Городище восточныхъ славянъ, *Н. К. Рериха.*
2) Торгъ у восточныхъ славянъ, *В. М. Васнецова.*
3) Варяги, *В. М. Васнецова.*
4) Христіанство и язычество, *С. В. Иванова.*
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), *И. Я. Билибина.*
6) Вѣче, *А. М. Васнецова.*
7) Съѣздъ князей, *И. Я. Билибина.*

II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, *А. М. Васнецова.*
9) Баскаки, *С. В. Иванова.*
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.), *А. М. Васнецова.*

III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, *С. В. Иванова.*
12) Святѣйшій патріархъ, *С. В. Иванова.*
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), *С. В. Иванова.*
14) Земскій Соборъ (XVII в.), *С. В. Иванова.*
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, *С. В. Иванова.*
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, *С. В. Иванова.*
17) Пріѣздъ воеводы, *С. В. Иванова.*
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). *С. В. Иванова.*
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, *С. В. Иванова.*
20) Стрѣльцы, *С. В. Иванова.*
21) Юрьевъ день, *С. В. Иванова.*
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, *А. М. Васнецова.*
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
24) Школа въ Московской Руси, *Б. М. Кустодіева.*
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
26) Въ смутное время, *С. В. Иванова.*
27) Во времена раскола, *С. В. Иванова.*

IV. Всероссійская Русь.

28) Въ Нѣмецкой слободѣ, *А. Н. Бенуа.*
29) Солдаты Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
30) Флотъ Петра Великаго, *Е. Е. Лансере.*
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, *Д. Н. Кардовскаго.*
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
35) Петръ Великій, *В. А. Сѣрова.*
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), *Д. Н. Кардовскаго.*
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., *Е. Е. Лансере.*
38) Выходъ императрицы Екатерины II, *А. Н. Бенуа.*
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, *А. Н. Бенуа.*
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, *А. Н. Бенуа.*
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, *А. Н. Бенуа.*
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), *А. Н. Бенуа.*
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), *М. В. Добужинскаго.*
44) Въ военномъ поселеніи, *М. В. Добужинскаго.*
45) Декабристы, *Л. О. Пастернака.*
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
47) Городъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, *Л. О. Пастернака.*
49) Люди 40-хъ годовъ, *Л. С. Бакста.*
50) Освобожденіе крестьянъ, *Б. М. Кустодіева.*

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 21.

С. В. Ивановъ. Юрьевъ день.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1909.

2
4819-21

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ.
Т-ВО ОКОРОЛЕЧ. Б.Д. ЛЕВЕНСОНЪ
МАНСОВСКИЙ ПЕР., С.Д.

Научная Б-ка
им. Горького
при ЛГУ

5915

Юрьевъ день.

На картинѣ изображена сцена расчета крестьянина, покидающаго арендовавшуюся имъ землю, съ землевладѣльцемъ или его приказчикомъ. Направо, на заднемъ планѣ, видны церковныя главы, колокольня и ограда монастыря. Этотъ монастырь, можетъ-быть, и является тѣмъ землевладѣльцемъ, участокъ, земли котораго покидаетъ изображенный здѣсь крестьянинъ. Дѣло происходитъ около половины XVI в.

Нехитро и небогато имущество покидающаго свой участокъ крестьянина. Оно все надѣто на немъ самомъ и на его семейныхъ да небольшой грудой навалено на «склизы», какіе теперь въ ходу въ Вятской губерніи и представляютъ изъ себя сооруженіе изъ двухъ слегъ съ переплетомъ; такой экипажъ легче, чѣмъ телѣга, пробирался по тогдашнимъ лѣснымъ и болотистымъ тропамъ, не пугался и снѣга, если онъ рано запорошитъ дорогу. Ломаться въ немъ мало чему есть, а если что и сломается—кругомъ столько матеріала не только для починки, но и для быстраго сооруженія новыхъ «склизовъ»; упряжь—мочальная—тоже дешево стоитъ и легко чинится и возстановляется. Тогдашній крестьянинъ не богатъ, да и когда ему было стать богатымъ — казенныя подати, платежи землевладѣльцу, подвижная жизнь — все это съѣдало весь заработокъ тогдашняго землевладѣльца. Онъ былъ безземельный.

Кромѣ монастырей, землевладѣльцами были въ Россіи XVI и XVII вв. служилые люди, которымъ за ихъ обязательную и наслѣдственную военную службу государство платило землей, давая въ помѣстье, «для службы», отдѣльные участки и обязывая за это служилаго человѣка быть готовымъ явиться на конѣ, вооруженнымъ, съ опредѣленнымъ количествомъ вооруженныхъ же слугъ и запасомъ въ сбор-

ное мѣсто арміи, всегда заранѣе извѣстное. Служилые люди, занятые въ войскѣ, не могли сами обрабатывать всю землю, какой обладали, и потому сдавали ее крестьянамъ. Крестьяне въ XVI и XVII вв. въ средней полосѣ Россіи своихъ земель не имѣли и, чтобы жить чѣмъ-нибудь, арендовали землю у землевладѣльцевъ — монастырей, служилыхъ людей, даже казенную и дворцовую, что тогда плохо различалось.

Самый видъ тогдашнихъ деревень, особенно въ XVI в., свидѣтельствовалъ о большой неусидчивости, подвижности ихъ населенія. Тогдашнія деревеньки были очень невелики. Тогда деревней называли два, три двора, стоявшіе среди лѣса — деревьевъ — отсюда и самое слово — «деревня». Когда на ближнемъ пригоркѣ крестьяне соединенными силами ставили крохотную деревянную церковь, около которой располагался «погостъ» — кладбище и дворъ причта,—деревня превращалась въ «сельцо»; дворовъ въ сельцѣ становилось больше—пять, шесть, но рѣдко десять. На каждомъ дворѣ обитала семья, иногда очень большая—много братьевъ съ семьями при отцѣ,—общими силами арендовавшая кусокъ земли въ нѣсколько десятинъ, смотря по силѣ.

Около каждаго двора разстилалось свое пахотное поле, всегда огороженное ради защиты посѣвовъ отъ дикихъ звѣрей. За оградой тянулся лѣсъ или шла нетронутая цѣлина. Пахотная земля дѣлилась на три поля: озимое, яровое и паръ. Часто около заселеннаго починка можно было тогда видѣть заброшенную пашню, подлѣ нея—развалившуюся избушку. Брошенныя пашни и покинутыя избы, строившіяся, кстати сказать, очень легко, тянулись иной разъ на довольно большое разстояніе. Зато путнику случалось вдругъ среди дремучаго лѣса найти расчищенные участки земли и проѣхать одну за другой нѣсколько деревень, встрѣтить даже сельцо.

Такой непривычный для глаза современнаго человѣка видъ тогдашней деревни зависѣлъ отъ того, что свободный арендаторъ чужой земли, крестьянинъ, былъ воленъ оставить ее и перейти въ другое мѣсто, къ другому землевладѣльцу, конечно, разсчитавшись съ первымъ. Точно такъ же и землевладѣлецъ могъ согнать со своей земли крестьянина, покончивъ съ нимъ всѣ расчеты по арендѣ.

Въ поискахъ лучшей земли и болѣе легкой обработки крестьяне переходили отъ одного землевладѣльца къ другому. Поэтому и встрѣчались въ деревняхъ заколоченныя избы, заброшенныя поля.

Каждый крестьянинъ договаривался съ землевладѣльцемъ особо и селился на томъ участкѣ земли, какой по уговору заарендовывалъ, иногда одинъ, а иногда съ дѣтьми, племянниками и братьями. Случалось, что и не родственники, сговорившись, снимали вмѣстѣ одинъ участокъ земли.

Снимая у землевладѣльца посильную долю выти или обжи, какъ тогда назывались мѣры земли, крестьянинъ въ особомъ письменномъ условіи—«порядной грамотѣ»—уговаривался съ землевладѣльцемъ, сколько онъ ему долженъ платить за пользованіе землей. «Новоприходецъ» почти всегда долженъ былъ представить нѣсколько поручителей, которые ручались, что онъ будетъ жить за ихъ порукой въ селѣ «во крестьянѣхъ», пашню пахать и дворъ строить, поля городить, пашни и луга расчищать, жить тихо и смирно, корчмы не держать и никакимъ воровствомъ не воровать. Въ случаѣ неисполненія обязательствъ, крестьянинъ или его поручители платили «заставу»—неустойку.

Обработка земли въ тѣ времена, при тогдашнихъ очень грубыхъ пріемахъ земледѣлія, доставляла много затрудненій земледѣльцу. Дикую, поросшую иногда вѣковымъ лѣсомъ землю приходилось расчищать и воздѣлывать, передъ тѣмъ какъ засѣять, съ большимъ напряженіемъ силъ.

Для обработки земледѣлецъ нуждался въ рабочемъ скотѣ и орудіяхъ, для засѣва нужны были сѣмена, да сверхъ того приходилось имѣть подъ рукой хлѣбъ для прокорма, пока земля не принесетъ своего плода. Кромѣ того, надо было заплатить подати.

Для уплаты податей, на первое обзаведеніе на новомъ мѣстѣ и на прокормъ до новаго урожая нужны были средства. Новоселъ-арендаторъ шелъ тогда къ помѣщику и просилъ дать ему взаймы, въ «ссуду» или на «подмогу», денегъ на покупку земледѣльческихъ орудій, коровы, лошади, просилъ дать сѣмянъ, одолжить самыя орудія и т. п.

Помѣщикъ охотно исполнялъ такія просьбы, но бралъ съ крестьянина особую запись, въ родѣ векселя, или по-тогдашнему «кабалу». Въ кабальной записи прописывалось: сколько бралъ крестьянинъ взаймы, устанавливался срокъ уплаты, проценты. Въ счетъ уплаты за аренду, за взятыя взаймы деньги, сѣмена, орудія, лошадь, крестьянинъ долженъ былъ работать на помѣщика, обрабатывать хозяйскую землю. Это называлось «издѣлье», или «боярское дѣло».

Уйти отъ хозяина крестьянинъ могъ, только разсчитавшись съ нимъ, т.-е. уплативъ ссуду—«боярское серебро», выплативъ аренду да еще внеся такъ-называемое «пожилое», сборъ, взимавшійся съ крестьянъ какъ бы за пользованіе хозяйскимъ дворомъ и избой. Въ концѣ-концовъ получалась довольно крупная сумма, собрать и выплатить которую для крестьянина было очень трудно.

Обыкновенно переходы крестьянъ совершались по окончаніи сельскихъ работъ или передъ началомъ. Чаще по окончаніи, а именно около Юрьева дня осенняго (26 ноября).

Этотъ срокъ установился самъ собой: землевладѣльцу было невыгодно согнать крестьянина съ земли передъ жатвой и до окончанія молотьбы, крестьянину точно такъ же не представлялось никакихъ выгодъ бросать свой участокъ, не сжавъ посѣяннаго хлѣба.

Но установленный обычаемъ срокъ былъ недостаточно твердъ. Несмотря на обычай, недовольный всегда могъ разсчитаться съ хозяиномъ среди лѣта и уйти. Отъ такихъ случаевъ терпѣлъ убытки хозяинъ, терпѣлъ и крестьянинъ. Тогда, по закону, былъ установленъ одинъ срокъ для перехода крестьянъ, именно: обычный Юрьевъ день. «А крестьянамъ отказываться,—гласилъ законъ,—изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ срокъ въ году—за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго».

Какъ только наступало 26 ноября, Юрьевъ день, все крестьянство Московскаго государства приходило въ движеніе. Кто могъ и хотѣлъ, тотъ разсчитывался со своимъ хозяиномъ, собиралъ свой скарбъ, какой былъ, привязывалъ къ возу за рога корову, коли она была, и со всей семьей отправлялся на новыя мѣста, къ но-

вому землевладѣльцу, о которомъ приходилось слышать хорошіе отзывы.

Хозяева, обыкновенно, очень неохотно отпускали со своей земли желавшихъ уйти крестьянъ и, разсчитываясь съ ними, старались насчитывать на нихъ какъ можно больше; уходившіе же крестьяне всячески стремились показать, что ихъ долгъ гораздо меньше, нежели говоритъ хозяинъ.

Отсюда возникали споры и ссоры, доходившіе до драки, до суда.

Чѣмъ дольше заживался крестьянинъ на землѣ какого-либо одного помѣщика, тѣмъ тяжелѣе становилось ему разсчитаться съ нимъ, а слѣдовательно, и уйти. Долгъ все росъ и становился, наконецъ, неоплатнымъ. Къ концу XVI вѣка громадное большинство русскаго крестьянства потеряло вслѣдствіе задолженности возможность уходить отъ одного землевладѣльца къ другому и крѣпко осѣло на той землѣ, къ которой привязывалъ его долгъ землевладѣльцу.

Но жить крѣпко на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, за однимъ и тѣмъ же хозяиномъ крестьянамъ было тяжело, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что плохая обработка земли способствовала частымъ неурожаямъ, во-вторыхъ, благодаря постояннымъ войнамъ, которыя вело въ то время Московское государство, сильно увеличивались податныя тягости; наконецъ, сами заимодавцы—хозяева земли—подчасъ круто обходились со своими должниками— крестьянами.

Иностранцы, посѣщавшіе въ то время Россію, единогласно говорятъ, что крестьянамъ Московскаго государства жить трудно, такъ какъ ихъ имущество «не защищено отъ посягательствъ сильныхъ», т.-е. кредиторовъ-землевладѣльцевъ и сборщиковъ казенныхъ платежей.

Помѣщики и ихъ приказчики и старосты, собирая съ крестьянъ повинности, дѣлали это съ большой суровостью. Неисправныхъ плательщиковъ морили голодомъ и «нещадно» били, отбирали за оброкъ то скотъ, то улья, то хмель. Но случалось, что съ обѣднѣвшаго крестьянина и взять было нечего — нѣтъ ни коровы, ни лошади, ни другой животины, а вмѣсто хлѣба въ закромахъ на дворѣ стоитъ возъ лебеды. «Мы на тѣхъ бѣдныхъ деньги правили,—писалъ одинъ

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

1-й Лен. Гос. Пед. Ин-т
БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАН. ЯЗЫКОВ

тогдашній приказчикъ своему хозяину,—а они кричатъ: взять негдѣ». Приходилось давать отсрочки такимъ бѣднякамъ, давать имъ снова взаймы и тѣмъ еще больше привязывать ихъ къ землѣ и лишать возможности уйти къ другому помѣщику.

Тогда задолжавшіе неоплатно помѣщикамъ крестьяне, не будучи въ состояніи разсчитаться и уйти отъ хозяевъ, начинаютъ бѣгать безъ расплаты.

Это бѣгство крестьянъ въ степь, принявшее къ концу XVI в. очень большіе размѣры, и то обстоятельство, что большинство крестьянства потеряло вслѣдствіе задолженности возможность переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, создало большую нехватку рабочихъ рукъ и крайне неудобное распредѣленіе ихъ. У однихъ хозяевъ скоплялось задолжавшихъ ему крестьянъ больше, чѣмъ для его хозяйства требовалось, у другого не хватало. Тогда нуждавшіеся въ рабочихъ рукахъ служилые люди стали выкупать крестьянъ у тѣхъ, чьи земли были заселены густо, переводя долгъ крестьянина на себя и тѣмъ самымъ получая право на его трудъ.

Кромѣ такой добровольной передачи крестьянъ выработался тогда обычай «своза» крестьянъ однимъ помѣщикомъ у другого. Нуждавшійся въ крестьянскомъ трудѣ служилый человѣкъ подговаривалъ задолжавшаго другому владѣльцу крестьянина бросить хозяина и перейти къ нему, при чемъ брался уплатить долгъ. Богатые землевладѣльцы держали даже особыхъ отказчиковъ — людей, которые только тѣмъ и занимались, что ѣздили изъ села въ село и подговаривали крестьянъ переходить на земли тѣхъ, кому отказчики служили. Если тотъ хозяинъ, у котораго «отказывали» такимъ путемъ крестьянъ, самъ нуждался въ работникахъ, то дѣло доходило до драки и смертнаго убійства.

Какъ только приближалось дѣло къ Юрьеву дню, и по селамъ покажутся бывало отказчики, переодѣтые странниками, купцами, прасолами, такъ и начинались у помѣщиковъ усиленныя заботы по охранѣ своихъ крестьянъ отъ отказчиковъ. Помѣщикъ вооружалъ своихъ холопей, днемъ и ночью ходилъ дозоромъ, присматривался и прислушивался — не видать ли отказчика, не собирается ли кто изъ крестьянъ уйти.

Дорожить такъ крестьянами заставляло помѣщика то, что безъ нихъ его земля могла остаться безъ обработки, самъ онъ съ семьей, слѣдовательно, безъ хлѣба и безъ средствъ нести государеву службу.

Особенно страдали отъ крестьянскихъ побѣговъ и уходовъ мелкіе служилые люди, на земляхъ которыхъ крестьянамъ жилось тяжелѣе, потому что мелкій помѣщикъ ни помочь въ большихъ размѣрахъ крестьянину деньгами и хлѣбомъ, ни заступиться за него передъ судомъ или чиновниками не могъ такъ успѣшно, какъ какой-нибудь большой, родовитый бояринъ или богатый монастырь.

Мелкіе и средніе помѣщики потому давно стали осаждать правительство просьбами о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, о запрещеніи переходовъ.

Правительство тѣмъ охотнѣе выслушивало эти жалобы, что отъ крестьянскихъ побѣговъ и переходовъ оно само терпѣло убытки.

Подати въ то время собирались съ обрабатываемой земли. Платить, значитъ, приходилось только тому крестьянину, который обрабатывалъ землю.

Чтобы получить подати во-время и вѣрно, правительство собирало ихъ не съ каждаго крестьянина отдѣльно, а со всей деревни разомъ, сколько приходилось со всей распаханной земли. Крестьяне каждой деревни сами уже должны были распредѣлить между собой, кому сколько слѣдуетъ уплачивать, чтобы составилось столько, сколько требовала казна. Для разверстки указанной суммы крестьянамъ приходилось сходиться и сговариваться, а для завѣдыванія самымъ сборомъ выбирать особыхъ старостъ.

При такомъ способѣ сбора податей для крестьянъ было очень невыгодно, когда кто-либо изъ ихъ однодеревенцевъ переходилъ къ другому землевладѣльцу, на другую деревню. Вѣдь тогда въ деревнѣ становилось однимъ плательщикомъ менѣе, долю подати, платившуюся ушедшимъ, приходилось раскладывать на оставшихся, потому что казнѣ не было дѣла до отдѣльныхъ уходовъ. Каждому изъ оставшихся въ деревнѣ становилось поэтому тяжелѣе.

Понятно, что крестьяне всячески старались удерживать односельчанъ, желавшихъ уйти. Коли не дѣйствовали уговоры, пускали въ

ность силу, требовали, чтобы уходивший, по крайней мѣрѣ, замѣстилъ себя другимъ крестьяниномъ.

Правительство со своей стороны охотно помогало крестьянамъ удерживать желавшихъ уходить. Для казны являлось очень неудобнымъ, что крестьяне не сидятъ крѣпко на разъ опредѣленныхъ имъ сохахъ, такъ какъ вслѣдствіе этого происходили большія затрудненія въ сборѣ податей.

Жалобы служилыхъ людей, лишавшихся рабочихъ рукъ, большія пространства заброшенныхъ пашенъ въ серединѣ государства — все это заставило правительство царя Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова издать рядъ указовъ, касавшихся крестьянскихъ побѣговъ.

Первый такой указъ относится къ 1597 г. Въ немъ говорится, что «которые крестьяне изъ-за бояръ, изъ-за дворянъ и изъ-за другихъ владѣльцевъ изъ помѣстій и вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 1597 г. за 5 лѣтъ, тѣ подлежатъ возвращенію на старыя земли; тѣ же, которые бѣжали болѣе чѣмъ за 5 лѣтъ до указа, возвращенію не подлежатъ, и зависимость ихъ отъ прежнихъ владѣльцевъ уничтожается»,

Въ 1601 г. царь Борисъ издаетъ указъ, въ силу котораго свозить другъ у друга крестьянъ позволяется только мелкимъ землевладѣльцамъ и притомъ не болѣе двухъ за одинъ разъ; земледѣльцы же крупные совсѣмъ лишаются права отказывать крестьянъ. Въ 1602 году указъ этотъ былъ повторенъ, при чемъ отказывать крестьянъ позволялось только съ согласія самихъ отказываемыхъ.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ и получалось, что крестьянинъ конца XVI вѣка и въ началѣ XVII вѣка по закону все еще продолжаетъ считаться свободнымъ арендаторомъ чужой земли, но на дѣлѣ, заплативъ своему хозяину, онъ прикрѣпляется по тогдашнему обычаю къ своему кредитору, т.-е. становится на положеніе холопа или раба помѣщика.

Изъ этого состоянія понемногу развилось крѣпостное право: закрѣпостившійся за своимъ кредиторомъ-землевладѣльцемъ крестьянинъ Московскаго государства сталъ крѣпокъ и землѣ, которую обрабатывалъ, потерялъ право покинуть ее когда хочетъ. Такое положе-

ніе дѣла было выгодно государству тѣмъ, что 1) обезпечивало обработку служилой земли, а слѣдовательно, служебную готовность военной силы государства—служилыхъ людей и 2) сохраняло за казной больше вѣрныхъ плательщиковъ податей. Въ 1649 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Земскій Соборъ утвердилъ общее собраніе законовъ—«Уложеніе»; въ которомъ крестьянство Московскаго государства, жившее на владѣльческихъ земляхъ, рѣшительно прикрѣплялось къ этимъ землямъ, при чемъ запрещался переходъ, свозъ крестьянъ и уничтожались сроки для сыска бѣглыхъ. Этотъ законъ закрѣпилъ помимо его сложившееся въ жизни соотношеніе: уже къ концу XVI в. Юрьевъ день лишился почти всякаго значенія въ жизни. Но память о Юрьевѣ днѣ долго еще жила въ крестьянствѣ, дожила и до нашихъ дней въ ироническої поговоркѣ: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день».

5915

См. *В. О. Ключевскій*, «Курсъ русской исторіи» т. 2.; *М. Дьяконовъ*, «Очерка изъ исторіи сельскаго населенія въ Россіи XVI и XVII вв.».

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

Новая цена
Руб. — коп. 08

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

2
4819-21

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, [illegible] ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и ука[illegible] реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуемаго обыкновенно какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворитовъ при дворѣ посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38 — 41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — „*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

1494

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Москва.